Эр 1/4993

А. Погодинъ.

753/478

Kazys Šalkauskis

ДРЕВНІЕ ЛИТОВЦЫ.

Изданіе „ЛИТВЫ“.

Вильно. Тип. „Промень“ 1920 г.

B36

2103719

„AUŠROS MUZIEJUS
ŠIAULIAI
Kazys Šalkauskis
ЭР 1 / 4993

А. Погодинъ

ДРЕВНІЕ ЛИТОВЦЫ.

„Aušros" muziejus Šiauliai

Изданіе „ЛИТВЫ".

Вильно. Тип. „Промень" 1920 г.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 22489 1967

„Adšras" muz. inv. nr.

Э.53.

Kazys Šalkauskis

Древніе литовцы.

Древнѣйшія границы Литовскаго племени.

Литовское племя, нѣкогда гораздо болѣе многочисленное и сильное, чѣмъ теперь, раскинулось когда-то очень широко: оно охватывало своими поселеніями весь бассейнъ рѣки Нѣмана и Западной Двины, ему принадлежали сѣверные притоки Припяти и верхнее теченіе Днѣпра и Березины, побережье Балтійскаго моря отъ Нѣмана до Двины искони составляло собственность литовскаго племени, и самое море едва ли не получило свое названіе отъ литовскаго слова baltas (бѣлый) и не означало *Бѣлаго* моря; даже въ центральной Россіи, въ бассейнѣ рѣки Оки, мы имѣемъ право видѣть очень древнія мѣста поселенія этого племени. Говоря о литовцахъ, мы имѣемъ въ виду не только тѣхъ литовцевъ въ узкомъ смыслѣ слова, которые живутъ въ настоящее время въ Ковенской, Сувалкской, Гродненской и Виленской губерніяхъ и въ Пруссіи по теченію Нѣмана, но ихъ близкихъ родичей, латышей, занимающихъ части Курляндіи, Лифляндіи и Витебской губерніи, и совершенно онѣмечившихся нынѣ пруссовъ. Правда, политическаго объединенія эти близкородственныя по языку и культурѣ племена

никогда не достигли; даже болѣе того: среди одного литовскаго племени расколъ былъ такъ великъ, что литовцы звали крестоносцевъ на жмудиновъ, а эти послѣдніе видѣли въ своихъ соплеменникахъ заклятыхъ враговъ. Тѣмъ не менѣе, естественныя условія, среди которыхъ развилась жизнь отдѣльныхъ литовскихъ племенъ до ихъ выступленія на арену исторіи, были такъ однообразны, такъ одинаковы были и культурныя вліянія, которымъ они подвергались, что мы въ своемъ очеркѣ до-исторической жизни литовцевъ можемъ говорить объ этомъ племени, какъ объ одномъ цѣломъ. Однако, по преимуществу, мы будемъ имѣть въ виду все-таки литовцевъ въ собственномъ смыслѣ этого этническаго названія.

Древнѣйшія извѣстія о литовцахъ.

Историческія свидѣтельства о литовцахъ появляются поздно и носятъ очень неопредѣленный характеръ. Затерянные въ лѣсахъ и болотахъ своей родины, отдѣленные отъ греко-римскаго культурнаго міра широкой полосой славянскихъ племенъ, литовцы стали извѣстны ему очень поздно. Правда, германскіе купцы, получавшіе отъ прибалтійскихъ литовцевъ янтарь (его и теперь добывается много около Полангена), могли передавать знакомымъ латинскимъ торговцамъ кое-какіе подробности изъ своихъ путешествій за этимъ драгоцѣннымъ предметомъ; отъ нихъ могли черпать изъ вторыхъ—изъ третьихъ рукъ и римскіе географы. Но, понятное дѣло, всѣ эти свѣдѣнія должны носить и очень отрывочный и мало достовѣрный характеръ. Такъ великій историкъ I вѣка Тацитъ, старавшійся ввести

въ науку много новѣйшихъ свѣдѣній о германцахъ и ихъ сосѣдяхъ въ восточной Европѣ, уже имѣетъ нѣкоторое представленіе о славянахъ-венедахъ, сообщаетъ и нѣсколько загадочныхъ свѣдѣній о финнахъ, кочевавшихъ гдѣ-то по близости отъ Карпатъ, но о литовцахъ онъ не говоритъ, въ сущности, ничего. Правда, Тацитъ приводитъ рядъ свѣдѣній о племени, которое поставляло германцамъ янтарь, само не понимая въ немъ толку; онъ называетъ его Айстіями, и большинство ученыхъ видитъ въ этомъ имени, которое, будто бы, означаетъ *восточныхъ* сосѣдей германцевъ, Литву. Однако, это предположеніе основано лишь на томъ, что литовцы жили уже въ эту пору на побережьи Балтійскаго моря и *могли* продавать нѣмцамъ янтарь. Но вѣдь нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что и славяне тоже достигли береговъ моря, а слово glaesum, которымъ, по Тациту, айстіи называли янтарь, совсѣмъ неизвѣстно ни въ одномъ изъ литовскихъ языковъ, но сохранилось у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя составляли сѣверо-восточную вѣтвь славянства. Это—слово *глазъ*, означавшее нѣкогда блестящій камень и потомъ получившее спеціальное значеніе глаза, ока. Оно нѣмецкаго происхожденія, какъ и glaesum, приводимое римскимъ историкомъ. Какъ этотъ фактъ, такъ и вѣроятность, что янтарь добывался и славянами и крайняя неопредѣленность извѣстій Тацита объ айстіяхъ заставляетъ насъ воздержаться отъ отожествленія этого племени съ Литвой.

Столѣтіе спустя, густой туманъ, окружающій судьбы литовскаго племени, на мигъ разрывается; у Птолемея, писавшаго свою

географію около половины II в., мы находимъ нѣсколько этническихъ названій, относящихся, несомнѣнно, къ литовцамъ: племена судиновъ и галиндовъ, о которыхъ вскользь упоминаетъ греческій писатель, могутъ быть только литовскими; въ историческое время они становятся хорошо извѣстными и полякамъ, и русскимъ, и нѣмцамъ-крестоносцамъ. Затѣмъ литовское племя на долго пропадаетъ изъ глазъ исторіи, и лишь съ началомъ русской и польской письменности мы начинаемъ получать подробныя и многочисленныя свѣдѣнія о немъ, объясняющіяся той крупной ролью, какую пріобрѣло это племя въ жизни русскихъ и польскихъ славянъ.

Методы изслѣдованія.

Итакъ, откуда намъ получить какія либо указанія о древнѣйшемъ распространеніи и древнѣйшихъ судьбахъ литовцевъ? Наше положеніе далеко не такъ безнадежно, какъ это можетъ казаться при отсутствіи прямыхъ свидѣтельствъ писателей: тамъ, гдѣ молчитъ исторія, мы должны прибѣгнуть къ инымъ методамъ изслѣдованія, къ изученію культурныхъ вліяній, отразившихся въ словарномъ составѣ языка извѣстнаго племени, и культурныхъ областей, объединенныхъ одинаковой матерьяльной культурой. Правда, предметы роскоши и необходимости переходятъ отъ народа къ народу, но мы знаемъ въ то же время, что извѣстные типы издѣлій, орудій, сосудовъ и т. п. извѣстныя формы погребенія бываютъ связаны съ племенными вкусами и обычаями; расходясь въ разныхъ направленіяхъ, какъ отъ центра, эти типы становятся

все рѣже вдали отъ него, а тамъ, гдѣ они встрѣчаются сплошной массой, гдѣ они составляютъ именно племенную культуру, мы смѣло можемъ видѣть наиболѣе сильные центры опредѣленнаго племени. Далѣе, мы можемъ пользоваться орудіемъ очень сильнымъ въ опытныхъ рукахъ, хотя очень опаснымъ въ неумѣлыхъ, именно—изслѣдованіемъ мѣстныхъ географическихъ названій, особенно рѣчныхъ, которыя часто передаются отъ народа народу, восходятъ къ давно забытому и порою давно заглохшему источнику. Тамъ гдѣ терминологія рѣчныхъ названій носитъ, напр., литовскій характеръ въ размѣрахъ, исключающихъ возможность случайнаго и единичнаго занесенія чужого имени, тамъ мы можемъ сказать: литовское племя оставило явные слѣды своего долгаго пребыванія въ странѣ. Теоретически противъ этого взгляда можно выставить коекакія методологическія возраженія, но практически, т.-е. тамъ, гдѣ онъ допускаетъ провѣрку, онъ оказывается совершенно справедливымъ: не даромъ рѣки и озера въ Московской губерніи еще до сихъ поръ часто сохраняютъ свои финскія названія.

Пользуясь въ совокупности всѣми указанными методами, мы въ состояніи опредѣлить и древній районъ распространенія литовскаго племени, и его культурный уровень и размѣры его сношеній съ сосѣдями; мы въ состояніи даже намѣтить нѣкоторыя крупнѣйшія событія изъ его до-историческихъ передвиженій.

Сосѣдство финновъ и литовцевъ.

Кѣмъ была заселена Европейская Россія лѣтъ за 400 до Р. Х.? На югѣ отъ устья Ду-

ная и до Дона, переходя на востокъ и за эту рѣку, кочевали скиѳскія и сарматскія племена, родственныя по происхожденію мидійцамъ и персамъ, уже достигшимъ въ ту пору очень высокой культуры. Какъ скиѳы, такъ и сарматы потомки которыхъ до нынѣ уцѣлѣли въ лицѣ осетинъ. поддерживали связи, съ одной стороны, съ утонченной греческой культурой направлявшей на варварскій сѣверъ свои художественныя издѣлія и имѣвшей здѣсь, на черноморскомъ побережьи, своихъ представителей въ лицѣ Ольвіи, Пантикапеи и другихъ колоній, а съ другой стороны, они вели торговлю съ роднымъ востокомъ, а князьки ихъ получали отъ персидскихъ царей, Ахеменидовъ, раскошные подарки, состоявшіе изъ золотого оружія и великолѣпныхъ украшеній Представляя собою полосу населенія, которому не была чужда высокоразвитая культура Юга и Востока, которому не были чужды, повидимому, и религіозныя вліянія Зороастровой религіи, скиѳы и сарматы должны были оказывать могущественное цивилизующее вліяніе на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Можно думать, что непосредственно они соприкасались съ финнами, которые занимали своими поселеніями всю среднюю Россію; въ языкѣ финскихъ племенъ множество словъ, заимствованныхъ ими отъ иранцевъ, при чемъ многія изъ заимствованій сдѣланы въ ту пору. когда западные финны (финляндцы, эсты и др.) составляли въ племенномъ отношеніи одно цѣлое съ мордвой и черемисами. Къ востоку отъ финновъ, можетъ-быть, лишь слегка соприкасаясь съ иранцами, жили литовцы, поселенія которыхъ тянулись на западъ, къ берегамъ Балтійскаго моря. И наконецъ, южнѣе

Литвы, не сливаясь съ финнами, но, можетъ-быть, приходя на югѣ въ довольно тѣсное соприкосновеніе со скиѳами, лѣсистую и болотистую равнину Полѣсья и Царства Польскаго, холмистые отроги Карпатъ и песчанныя низменности Балтійскаго побережья занимало обширное славянское племя. Что касается сѣверной Россіи, Новгородской, Петербургской и др губерній, то здѣсь еще бродили лопари, вытѣсненные впослѣдствіи на сѣверъ финскими переселенцами.

Лингвистическія доказательства.

Языкъ, вѣрный хранитель международныхъ отношеній, отразилъ и связи Литвы съ финскими племенами, которыя въ эпоху этихъ отношеній были, должно-быть, очень сильно подвержены литовскому вліянію. Трудно теперь сказать, на чемъ держалось это послѣднее: были ли литовцы гораздо культурнѣе финновъ, что вообще трудно допустить, или же финны, въ силу своей необыкновенной воспріимчивости къ иноземнымъ культурнымъ вліяніямъ, запомнили болѣе литовскихъ понятій, чѣмъ тугіе въ этомъ отношеніи литовцы; какъ бы то ни было, въ общефинскомъ (или финно-мордовскомъ) языкѣ сохранились литовскія названія для обозначенія такихъ предметовъ и отношеній, которыхъ не могли не знать и финны. Это указываетъ на извѣстное влеченіе у нихъ къ литовскому языку, на то, что этотъ языкъ былъ когда-то у финновъ модньмъ, и что признакомъ образованія и „хорошаго тона“ финны одно время признавали литовскую рѣчь. Аналогичныя явленія мы встрѣчаемъ довольно часто до послѣдняго

времени: такъ, самоѣды стараются говорить по-зырянски, тунгузы передаютъ свой языкъ не только малокультурнымъ якутамъ, но и русскимъ казакамъ, обитателямъ якутской области и т. п. Близкое и долговременное сосѣдство литовскаго и финскаго племенъ, восходящее по времени задолго до Р.-Х.,— вотъ одинъ изъ первыхъ фактовъ литовской исторіи, выясняемый языкознаніемъ. Иранское вліяніе, очень замѣтное въ финскихъ языкахъ, не достигло крупныхъ размѣровъ въ литовскомъ: всего два-три слова мы можемъ отнести на счетъ этого вліянія. Одно изъ нихъ означаетъ пеньку, которая, какъ и конопля, проникла на русскій сѣверъ съ иранскаго востока, другое—голубя, птицу мрака въ персидскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Однако, самая религія Ирана, не прошедшая, повидимому, безслѣдно въ выработкѣ миѳологическаго міросозерцанія славянъ, не производила, кажется, никакого впечатлѣнія на литовцевъ: эти послѣдніе чтили какъ разъ то, что религія Зороастра преслѣдовала ожесточенной ненавистью, какъ порожденіе злого духа, змѣй, комаровъ и всякую нечисть. Здѣсь на языческихъ вѣрованіяхъ Литвы должны были сильнѣйшимъ образомъ отразиться финскія вліянія.

Появленіе готовъ на Югѣ Россіи.

Приблизительно въ началѣ II вѣка нашей эры въ южной Россіи произошелъ крупный переворотъ. Начавшееся недавно переселеніе народовъ привело въ черноморскія степи племена, доселѣ здѣсь не бывавшія, именно германцевъ, которые совершенно стираютъ слѣды прежняго владычества иранцевъ въ этихъ

мѣстахъ. Теперь германскіе готы, объединенные подъ властью нѣсколькихъ князьковъ, стремятся подчинить себѣ всѣ тѣ народности, которые нѣкогда, въ большей или меньшей степени, находились подъ культурнымъ воздѣйствіемъ скиѳовъ и сарматъ. Готы принесли съ собой уже довольно развитую культуру: хорошее металлическое оружіе, знакомство съ деньгами, княжескую власть. У готскихъ историковъ VI вѣка сохранилась память о славномъ готскомъ королѣ Эрманарихѣ, который, незадолго до нашествія гунновъ, покорилъ себѣ великое множество племенъ. Однако, культурное вліяніе готовъ на ихъ сосѣдей, славянъ, литовцевъ и финновъ, относится къ болѣе раннему времени, приблизительно ко II вѣку по Р. Х. Замѣчательно то, что всѣ три народности заимствовали у германцевъ почти тѣ же самыя понятія (князь, мечъ, деньги), хотя можно съ увѣренностью сказать, что литовцы въ наименьшей степени подверглись готскому вліянію. По всей вѣроятности, ихъ положеніе къ сѣверу отъ славянъ отдѣляло ихъ сплошной стѣной славянства отъ завоевательныхъ ползновеній южнорусскихъ насельниковъ. Славянство же спасло ихъ, защитивъ своей грудью отъ новыхъ завоевателей, надвинувшихся на смѣну германцевъ изъ пустынь средней Азіи, отъ различныхъ тюркскихъ племенъ, которые, подъ именемъ гунновъ, аваръ и т. д., располагаются одно за другимъ въ черноморскихъ степяхъ.

Литовцы отодвинуты въ границы, гдѣ застаетъ ихъ исторія.

IV вѣкъ нашей эры представляетъ собой эпоху, когда политическіе перевороты, смѣны

населеній и т. под. въ южной Россіи всколыхнули и обитателей средней. Къ этому времени надо отнести и два крупнѣйшихъ событія во внутренней исторіи литовскаго и финскаго племенъ: часть финновъ двинулась на сѣверозападъ по направленію къ Финляндіи и Балтійскому морю, а передъ ними потянулись на западъ и литовскія племена, сосѣдившія съ финнами. Хронологическое отношеніе этихъ двухъ переселеній, конечно, не вполнѣ ясно, но археологія въ общихъ чертахъ все же устанавливаетъ его. Именно въ Калужской губерніи обнаружены курганы съ трупосожженіемъ и съ предметами той же культуры, которая засвидѣтельствована раскопками, произведенными въ бассейнѣ Нѣмана и Западн. Двины и, стало-быть, должна была принадлежать Литвѣ. Точное хронологическое опредѣленіе ихъ пока еще не сдѣлано, но приблизительно время этихъ кургановъ опредѣляютъ первыми вѣками нашей эры. Въ верховьяхъ Волги и Оки въ эту пору жило финское населеніе, оставившее многочисленные курганы т. наз. Дьякова типа (по древнему городищу этого имени). Позже они распространяются и на среднее теченіе Оки въ районѣ бывшихъ литовскихъ поселеній. Согласуется съ этимъ и смѣна типа череповъ въ указанныхъ мѣстностяхъ: такъ, въ Московской губерніи, какъ показываетъ типъ череповъ, первоначальные длинноголовые обитатели страны были вытѣснены короткоголовыми пришельцами, въ которыхъ професоръ Богдановъ видѣлъ финновъ. Не трудно допустить, что они смѣнили здѣсь литовцевъ, принадлежащихъ по своему типу къ длинноголовой расѣ. Впрочемъ, приводя вышесдѣланныя наблюденія,

спѣшимъ оговориться, что данныя археологіи и антропологіи имѣютъ пока еще весьма относительное значеніе. Здѣсь они подтверждаютъ предположенія, извлекаемыя изъ изученія другихъ источниковъ (главнымъ образомъ, языкознанія) и потому они имѣютъ для насъ большую цѣнность. На болѣе надежной почвѣ мы стоимъ при изученіи матеріальныхъ древностей, инвентаря кургановъ, раскинутыхъ въ исконно-литовской области. Можно сказать, что вся Ковенская губернія покрыта сѣтью длинныхъ кургановъ, имѣющихъ видъ сѣдла и расположенныхъ часто у истока рѣкъ и ручьевъ; имѣли ли они стратегическое или обрядовое значеніе, до сихъ поръ не выяснено, но энергическія изслѣдованія, направленныя на эти *пилькальны* (насыпныя горы) въ послѣднее время, позволяютъ надѣяться на полное разъясненіе этого вопроса въ скоромъ будущемъ

Интересно, что память объ этихъ курганахъ такъ тѣсно связалась съ Литвой, что даже въ Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда жила Голядь (остатокъ исконнаго литовскаго населенія страны, или новопришельцы вмѣстѣ съ русскими вятичами, неизвѣстно), до сихъ поръ ходитъ преданіе о двухъ великихъ голядахъ, живущихъ на высокихъ курганахъ и перебрасывавшихся топорами.

Другимъ типомъ искусственныхъ насыпей, которыя должны быть приписаны литовцамъ, являются низкіе расплывчатые курганы въ вышину отъ одного до двухъ аршинъ и съ остатками трупосожженія, иногда съ конемъ, какъ это было въ обычаѣ у литовцевъ и въ значительно позднѣйшее время. Характерными вложеніями этихъ кургановъ оказываются

„Aušros" muzejus Šiaulai

различныя издѣлія изъ желѣза тончайшей работы (топоры, застежки и пряжки, наконечники дротиковъ и т. п.). Вещей, указывающихъ на религіозные культы древней Литвы, курганы не даютъ, но въ нихъ довольно часто попадаются украшенія: подвѣски, кольца съ рѣзьбой, браслеты и т. п. Въ курганахъ болѣе поздняго времени, не ранѣе IX вѣка, занимавшихъ бассейнъ рѣки Нѣмана и Виліи, наиболѣе характернымъ предметомъ ихъ служитъ желѣзный серпъ съ длинной рукоятью и сильно изогнутымъ лезвеемъ. Аналогичныя вещи широко распространены въ смоленскихъ курганахъ, что позволяетъ говорить о тождествѣ населенія и племенной культуры въ Смоленской и Литовскихъ губерніяхъ IX—X вѣка по Р. Х. Напоръ славянскаго племени съ бассейна Припяти къ сѣверу по Березинѣ и Днѣпру заставилъ литовцевъ отодвинуться на западъ, скрыться въ предѣлахъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній и уступить дорогу къ Нѣману, Зап. Двинѣ и верхнему теченію Днѣпра русскимъ славянамъ, которые вскорѣ начали тѣснить и финскія племена по Окѣ и Волгѣ. Съ другой стороны, съ побережья Балтійскаго моря, на Литву и Жмудь начали совершать нападенія новые враги, скандинавскіе норманны, которые въ половинѣ IX вѣка одерживаютъ нѣсколько побѣдъ надъ жмудинами въ самомъ центрѣ ихъ страны. Пока еще не выяснены размѣры скандинавскаго вліянія на литовскій языкъ и вѣрованія, но трудно сомнѣваться въ томъ, что скандинавскіе пришельцы, сумѣвшіе въ половинѣ IX вѣка играть такую выдающуюся роль въ судьбахъ русскаго славянства и западныхъ финновъ, оказали значительное влія-

ніе и на Литву. Нѣкоторыя изъ миѳологическихъ существъ этой послѣдней, какъ и латышей, носятъ скандинавскія названія: таковъ мелкій, плутоватый домашній духъ Пукисъ (шекспировскій Пукъ), таковъ латышскій Юмисъ (скандинавскій Имиръ) и др.

Изъ этого очерка доисторической жизни литовскаго племени видно, что внѣшнимъ давленіямъ подвергались по преимуществу тѣ лишь его части, которыя соприкасались съ моремъ, съ финнами и съ славянами; въ глубинѣ страны, по теченію Нѣмана и его притоковъ, обитатели литовскихъ и жмудскихъ долинъ, пригорковъ и лѣсовъ могли жить, никому невѣдомые и не интересные. Этимъ объясняется очень позднее выступленіе литовцевъ на историческое поприще, очень позднее ихъ объединеніе подъ княжеской властью.

Первыя историческія извѣстія о литовцахъ.

Раньше всѣхъ обнаружили свое существованіе воинственные ятвяги, врѣзавшіеся клиномъ въ польское населеніе въ бассейнѣ Нарева и Буга. Съ ними же впервые столкнулись и русскіе князья: уже въ 983 году „иде Володиміръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и всю землю ихъ“, а Ярославу въ XI вѣкѣ пришлось воевать уже не съ одними ятвягами, но и съ Литвой. Еще въ концѣ XII вѣка ятвяги, живущіе въ странѣ „недоступной по причинѣ обширныхъ пущъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и вязкихъ болотъ“, казались совершенно непобѣдимыми для поляковъ, писатель которыхъ называетъ ятвяговъ народомъ болѣе свирѣпымъ и жестокимъ, чѣмъ

дикіе звѣри. Спустя одно столѣтіе, сила сопротивленія этого племени была сломлена, и съ конца XIII вѣка объ ятвягахъ уже ничего не слышно. Въ эту пору начинаютъ проявлять политическое существованіе литовцы, которые съ XIV вѣка принимаютъ участіе въ исторической жизни всей Западной Руси, тогда какъ Жмудь всѣ свои силы отдаетъ на борьбу съ нѣмецкими крестоносцами (съ 1260 г.) Но это уже выходитъ за предѣлы нашего очерка.

Религія древнихъ литовцевъ.

Остановимся теперь на бытѣ древнихъ литовцевъ. Если мы вспомнимъ, какъ поздно они были обращены въ христіанство и какой фиктивный характеръ имѣло это обращеніе, то мы поймемъ, что въ быту Литвы и Жмуди могъ до сихъ поръ сохраниться слой очень древнихъ воззрѣній и вѣрованій. Крещеніе Литвы въ 1387 году и Жмуди въ 1417 не сопровождалось отказомъ отъ языческихъ культовъ; вызванное насильственными мѣрами, оно „смывалось“ населеніемъ, какъ только это послѣднее получало опять возможность жить по своему разумѣнію и желанію. Равнодушіе къ его религіознымъ нуждамъ и отсутствіе духовнаго наставленія доходило до такой степени, что напримѣръ, въ 1587 году епископъ жмудскій писалъ слѣдующее: „Въ наибольшей части моего епископства нѣтъ никого, кто бы хоть разъ въ жизни исповѣдывался, никого, кто бы хоть разъ причащался, никого, кто зналъ бы молитву или знакъ святого креста, никого, кто бы имѣлъ хоть какое-нибудь понятіе о таинствахъ вѣры. Довольствуются

однимъ: мы не лютры (лютеране), въ пятницу мяса не ѣдимъ: повсюду приносятъ жертвы громамъ, чтутъ ужей, почитаютъ дубы за святые, угощаютъ души умершихъ пирами, и еще много такихъ странностей, которыя имѣли источникомъ не злость, но невѣжество, не признаютъ за грѣхи". Въ продолженіе всего XVII столѣтія языческій элементъ въ быту литовцевъ и жмудиновъ держался очень крѣпко; начавшіеся въ эту пору и продолжавшіеся въ теченіе всего XVIII вѣка процессы вѣдьмъ ввели и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ католической церкви, множество суевѣрій средневѣковой демонологіи. Такимъ образомъ, довольно значительное число свидѣтельствъ объ языческомъ быту литовцевъ, записанныхъ авторами XVI—XVII вѣковъ, даетъ возможность возсоздать общія черты религіозной жизни Литвы до принятія крещенія. Правда, нѣмецкіе и польскіе писатели, оставившіе свои показанія, не всегда были на уровнѣ своей задачи и не всегда понимали то, о чемъ они писали: случалось, что незнаніе литовскаго языка заставляло ихъ принимать за боговъ предметы домашняго обихода крестьянъ; случалось имъ, повидимому, кое-что дополнять собственнымъ воображеніемъ, но сличеніе ихъ показаній открываетъ много важнаго.

Первый фактъ, который обнаруживается изученіемъ дошедшаго до насъ матеріала, заключается въ совершенномъ отсутствіи иранскаго вліянія на литовскія вѣрованія,—вліянія, которое въ области славянской миѳологіи сказывается довольно ярко. У литовцевъ врядъ ли можно замѣтить какіе-либо слѣды иранскаго дуализма: Перкунъ, преслѣдующій чорта своими стрѣлами-молніями, вовсе не есть

одинъ изъ боговъ дуалистической системы, а только богъ грома, преслѣдующій своихъ враговъ (а таковымъ подъ вліяніемъ христіанства оказывается не кто иной, какъ дьяволъ) молніями. Напротивъ, миѳологическія воззрѣнія Литвы отзываются еще очень примитивнымъ культомъ природныхъ силъ, къ которому присоединяются болѣе отвлеченныя (и очень древнія воззрѣнія, не имѣющія ничего общаго съ религіей Зороастра. Почитаніе ужей и насѣкомыхъ о которомъ повѣствуютъ многіе писатели, указываетъ на то, что даже основы иранскаго вѣроученія не проникали къ литовцамъ, такъ какъ преслѣдованіе этихъ исчадій ада являлось священнѣйшей обязанностью всякаго правовѣрнаго послѣдователя Маздаясны, ученія Зороастра *). Но, отрицая вліяніе иранскихъ вѣрованій на литовскую миѳологію, мы, однако, не можемъ сказать, что она развивалась вполнѣ самобытно: напротивъ, всякое описаніе старыхъ общественныхъ моленій Литвы, весь характеръ литовской миѳологіи показываютъ намъ, что долгое общеніе этого народа съ финскими племенами не прошло безслѣдно для перваго. Мистическое отношеніе финна къ окружающему міру, его постоянное стремленіе завербовать силы природы на службу себѣ и вступить въ таинственныя сношенія съ духами, населяющими весь міръ,—это стремленіе оказалось очень заразительнымъ. Постоянныя гаданія, безъ которыхъ древній литовецъ не дѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага, вѣчныя жертвоприношенія черныхъ куръ, поросятъ,

*) Основы зороастрійской религіи изложены мною въ книгѣ „Религія Зоастра“. С.-Петербургъ, 1903 (изданіе О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Серія V. № 20.

барановъ, коровъ и бѣлыхъ коней разнымъ божкамъ, почитаніе муравьевъ, змѣй, заговоры и заклятія духовъ,—все это образовывало вокругъ каждаго литовца мистическую обстановку, въ которой трудно не видѣть финскаго вліянія. Въ общемъ, къ тому множеству разнообразныхъ, но мелкихъ божествъ природы, среди которыхъ жилъ литовецъ, можно примѣнить описаніе одного изъ послѣднихъ изслѣдователей финскаго племени пермяковъ, г. Яновича (въ „Живой Старинѣ“ за 1903 годъ): также здѣсь много всякой нечисти въ лѣсахъ и рѣкахъ, и также надо откупаться отъ нея подачками и заклятіями. Однако, мы не можемъ отрицать, что рядомъ съ этими вѣрованіями которые не остались на уровнѣ суевѣрныхъ представленій, но пріобрѣли подъ вліяніемъ финскихъ племенъ характеръ мелкихъ культовъ, въ быту литовцевъ еще жили очень старыя традиціи индоевропейскаго происхожденія. Къ числу ихъ относятся прежде всего остатки культа предковъ: по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, которыя оставили писатели стараго времени, совершенно не понимавшіе значенія видѣннаго ими, трудно сказать, дѣйствительно ли XIII—XIV вѣкъ зналъ только остатки общеиндоевропейскаго культа предковъ, или же сохранялъ его традиціи съ тѣмъ же пониманіемъ, какое мы находимъ въ древней Индіи или въ древней Греціи. На основаніи того, что намъ извѣстно о старолитовскихъ обрядахъ при погребеніи, при выходѣ замужъ и т. п., я скорѣе высказался бы въ пользу перваго; литовцы до сихъ поръ хранятъ воспоминанія о велесахъ (veles), душахъ предковъ, къ которымъ отправляется и душа новопредставившагося, еще недавно чтили

подъ видомъ ужа, таящагося гдѣ-то подъ поломъ дома, душу предка—радѣтеля о благѣ рода; обычаи, доселѣ связанные съ поминаніемъ покойныхъ родственниковъ, явно имѣютъ цѣлью угостить души умершихъ; стремленіе поддерживать непрерывный домашній огонь и т. под.,—все это является розрозненными элементами стараго религіознаго ученія индоевропейскаго племени. Но уже тотъ фактъ, что хранительницей домашняго огня признается и дочь, а не только жена, показываетъ, что основы этой религіи были забыты. Заброшенное въ глухіе, непроходимые лѣса, поставленное надолго лицомъ къ лицу съ финскими племенами и совсѣмъ одичавшее за долгій періодъ своей доисторіи, литовское племя не создало ни эпической поэзіи ни религіозной системы; оно не подготовилось къ выступленію на арену государственной жизни, не выработало никакой попытки государственной или религіозной централизаціи. Все, что разсказывается о такихъ центрахъ Литвы и пруссовъ (Ромове, Зничъ, Криве-Кривейто, вымыселъ хронистовъ.

Родовой бытъ.

Культъ предковъ и домашняго огня поддерживался тѣмъ строемъ родового быта, которымъ жили литовцы. Если въ настоящее время только опытный юристъ можетъ замѣтить въ народныхъ обычноправовыхъ воззрѣніяхъ слѣды родового строя, то все же самое обыкновеніе литовцевъ жить не деревнями, а отдѣльными усадьбами (дворами) указываетъ на прежнее заселеніе этой территоріи родами, державшимися вмѣстѣ поодаль другъ отъ дру-

га. Въ настоящее время въ приговорахъ волостныхъ судовъ, которые нерѣдко прибѣгаютъ къ обычному праву, проскальзываютъ довольно часто такія воззрѣнія, которыя могли воспитаться лишь на почвѣ родового быта. Такъ, напр., народъ признаетъ особую силу за родительскимъ авторитетомъ, а съ другой стороны, возлагаетъ на родителей отвѣтственность за проступки дѣтей: бывали случаи, что отца приговаривали къ наказанію вмѣсто сына, руководствуясь тѣмъ, что отецъ обязанъ удерживать сына отъ зла. Старое воззрѣніе на женщину, согласно которому она была собственностью всего рода, находитъ свое выраженіе въ совершающихся и поднесь, хотя все рѣже, родовыхъ судахъ по поводу нарушенія брачной вѣрности Въ этихъ случаяхъ съѣзжающіеся родные приговариваютъ обыкновенно виновную сторону къ розгамъ, и эти приговоры встрѣчаются народомъ съ большимъ сочувствіемъ. Во взглядахъ на собственность, на право наслѣдованія и т. п. точно такъ же еще очень живы представленія, вытекающія изъ родового строя. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, литовскій народъ, еще очень недавно сравнительно вошедшій въ число христіанскихъ народовъ, представляетъ не мало архаистическихъ чертъ.

Матеріальный бытъ.

То же слѣдуетъ сказать про его матеріальный бытъ: деревянныя сохи челноки, выдолбленные изъ одного дуба, типъ постройки—срубъ изъ положенныхъ одна на другую балокъ и т. п. обличаютъ переживаніе очень старыхъ бытовыхъ особенностей. Одинъ

изъ писателей конца XVII вѣка такъ описываетъ жилище литовцевъ: „Они живутъ въ жалкихъ, маленькихъ домишкахъ, которые по большей части состоятъ изъ одной курной избы, иногда еще изъ кладовушки. Въ избѣ находится сложенная изъ большихъ камней печь, которая сильно накаляется; около нея вповалку и вперемѣшку, какъ попало, спятъ ночью прямо на полу отецъ, дѣдъ, мать и дѣти, подостлавъ подъ себя разныя лохмотья; попадаются изрѣдка и постели. Остальное пространство въ избѣ занимаетъ скотина. Построены эти дома изъ толстыхъ стволовъ ели, которые снаружи, по большей части, нѣсколько сглажены, а внутри остаются круглыми, они сложены такъ ловко, что вѣтру никакъ не удается пробиться внутрь: щели заткнуты мохомъ; крыты дома соломой или положенными поперекъ бревнами". Этотъ простѣйшій по своей формѣ домъ, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ большое сходство съ финскимъ, развился благодаря сношеніямъ съ болѣе культурными сосѣдями, въ томъ направленіи, что изъ курной хаты, которая, впрочемъ, и теперь еще не рѣдкость у литовцевъ Гродненской губерніи, превратился въ избу съ трубой и, вовторыхъ, обогатился еще одной комнатой. Этотъ новый типъ жилища съ широкой русской печью былъ, повидимому, заимствованъ у русскихъ славянъ, на что указываетъ и самое названіе его; istubà, потомъ stubà, заимствованное изъ русскаго языка какъ и множество другихъ литовскихъ словъ, означающихъ культурные предметы (*изба* изъ *истъба*).

Въ своей одеждѣ и пищѣ литовцы были также непритязательны, а своимъ аппетитомъ

прямо приводили въ ужасъ чопорныхъ нѣмецкихъ наблюдателей стараго времени. Статные, сильные и высокіе, трудолюбивые, хотя и нѣсколько вялые они нуждались въ такомъ количествѣ мясной пищи, что одинъ изъ нѣмецкихъ писателей XVII вѣка сравниваетъ ихъ съ волками и утверждаетъ, что они никогда не могутъ наѣсться досыта. „Они никогда не вѣютъ зерна, сообщаетъ онъ,—а молотятъ пелеву вмѣстѣ съ зерномъ, потому что чистый хлѣбъ кажется литовцамъ легкимъ, какъ пѣна; бѣлый горохъ они проглатываютъ цѣликомъ. Они поѣдаютъ волковъ, лисицъ, воронъ, совъ, сорокъ и всякую другую мерзость".

Съ такимъ же недоброжелательствомъ отзываются о бытѣ и нравственныхъ свойствахъ Литвы и другіе писатели до самаго конца XVII вѣка и даже позже. Чего только не взваливаютъ она на этотъ народъ: совершенно чуждые пониманія жизни которая ведется не по установленнымъ новой культурой образцамъ, они мѣрятъ на свой аршинъ все, что видятъ. Съ этой точки зрѣнія литовцы представляются имъ народомъ, въ высшей степени развращеннымъ, лѣнивымъ и злымъ. Только конецъ XVIII вѣка научилъ европейскихъ людей относиться съ доброжелательствомъ къ «дикарю» и лишь XIX вѣкъ сумѣлъ подойти къ изученію его съ инымъ масштабомъ, опредѣляя культурный уровень народовъ по тѣмъ признакамъ, которые выяснила исторія цивилизаціи. И тогда обнаружилось, что литовцы съ ихъ бытомъ, исполненнымъ остатковъ очень старыхъ временъ, представляютъ величайшій интересъ для исторіи всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, и что мы

не имѣемъ права судить ихъ суровый бытъ съ точки зрѣнія современной нравственности.

Важн. литература: *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи, т. I. Кіевъ, 1885 г. (Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до смерти В. К. Ольгерда.). *Э. А. Вольтеръ.* Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. Записки Имп. Акад. Наукъ. Т. 56. 1888 г. (здѣсь о литовскомъ городѣ Апуле). *А. Л. Погодинъ.* Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени. (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. С.-Петербургъ 1902). *А. А. Спицынъ*, Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX в. (Записки Имп. Рус. Археол. Общества, т. VIII, вып 1—2. 1898 г.). A. Brückner, Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne, Warszawa 1904. J. Witort. Zarysy prawa zwyczajowego ludu litewskiego. Wydawnictwo Towarzystwa Ludoznawczego № 9. We Lwowie. 1898. A. Mierzyński. Źródła do mitologji litewskiej: I. Od Tacyta do końca XIII wieku. II Wiek XIV i XV. Warszawa 1892, 1896. A. Zweck, Litauen. Eine Landes-und Volkskunde. Stuttgart, 1898. X. Tetzner, Die Slawen in Deutschland. Braunschweig. 1902 (стр. 24—112. Литовцы). *Погодинъ*, Славянское передвиженіе, 1902 г. *Трусманъ*, Чудо-литовскіе элементы въ новогородскихъ пятинахъ. Ревель, 1898. Bezzenberger, Ueber prähistoriche Kultur in Litauen. Mit. lit. Litter. Ges. H. 24. 1899.

„Aušros" muziejus Šiauliai